

**Сергей Николаевич Сергеев-
Ценский**

**Пристав Дерябин
(Преображение России - 4)**

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-3
ББК 84

Сергей Николаевич Сергеев-Ценский

Пристав Дерябин (Преображение России - 4) / Сергей Николаевич Сергеев-Ценский – М.: Книга по Требованию, 2011. – 60 с.

ISBN 978-5-4241-3011-3

Историко-революционная эпопея «Преображение России» — главный творческий труд Сергея Николаевича Сергеева-Ценского (1875—1958), монументальное произведение, которое было задумано художником еще в начале его литературной деятельности.

"Преображение России" включает в себя двенадцать романов и три повести, являющиеся совершенно самостоятельными произведениями, объединенными общим названием.

ISBN 978-5-4241-3011-3

© Издание на русском языке, оформление, « YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, « Книга по Требованию», 2011

Сергеев-Ценский Сергей
Пристав Дерябин
(Преображение России - 4)

Сергей Николаевич Сергеев-Ценский
Преображение России
Эпопея
Пристав Дерябин
Повесть

I

Со взводом не хотелось идти; взвод пришел во двор третьей части в шесть часов вечера, а прапорщик Кашнев к семи часам приехал на извозчике.

Входя во двор в полутьме густого осеннего вечера и ища в карманах шинели бумажку командира о назначении в помощь полиции, Кашнев услышал откуда-то из глубины низкого здания через форточку широкогрудый, сиплый, акцизный бас; бас был хозяйственный, в каждой ноте своей уверенный, как в прочности земли, ругал кого-то мерзавцем, подлецом и негодяем.

"Ишь, разоряется пристав!" - добродушно подумал Кашнев.

Зная, что придется не спать ночью, выспался он после обеда, и теперь, как всегда после крепкого сна, все казалось ему сглаженным, безуглым; как-то не совсем установилось, плавало, - и бумажку не хотелось искать: может быть, была она в сюртуке, в боковом кармане, - бог с ней.

В потемках не видно было всего двора: справа желтел только фонарь где-то в глубине, около сытой желобчатой лошадиной спины, должно быть - в конюшне под каланчою, а слева, через окно, в глубине дома, в растворе каких-то внутренних дверей синел абажур лампы, да далеко впереди, в переплете двух маленьких окошек золотел свет, и двигалась в этом свете тень сутулого взводного Крамаренки.

"Все хорошо, и все на своем месте", - добродушно подумал Кашнев, и, лоя на земле шагами скупые полосы и пятна огней, мимо пожарных бочек, круглого чана с желобом, будки с колокольчиком, еще чего-то невнятного, он пошел посмотреть своих солдат, хотя это было и не нужно, и шел как-то инстинктивно по своему, так как две походки были у Кашнева - строевая и своя.

- Встать, смирно! - истоиво крикнул Крамаренко, когда увидел Кашнева в дверях...

Солдаты вскочили, вытянулись, застыли.

И вот вдали от казармы стало как-то неловко Кашневу за этих давешних людей - солдат и как будто не солдат.

Они смотрели на него, новые при скупом свете дрянной керосиновой лампочки, все с лицами усталыми, ожидающими чего-то, а он не знал, зачем они это и что им сказать.

- Ну что, как? - неопределенно спросил он. - Это что за дыра?

- Это, ваше благородие, кордегардия, кутузку нам отвели, - ответил Крамаренко.

- Попали за верную службу в кутузку раньше времени, - сказал пожилой запасный Гостев, и улынулись все.

- Ваше благородие, нельзя ли нам соломки где взять, на пол постелить... А нахаркано ж везде, страсть! - сказал кто-то другой.

- Нечистота, - поддержал третий, степенный. - Как тут лечь? Шинеля позагадишь... И тесно!

- А пристав объяснил, что тут делать? В чем помощь полиции? - спросил

Кашнев.

- Сказали, что в обход пойдем в двенадцать ночи, а до того времени чтобы спать лягали, - ответил Крамаренко.

- А спать тут не успишь, - подхватил Гостев. - И клопы!

- Хорошо, достань соломы... Я вот передам приставу... Тут где-то я лошадь видел, - должно быть, есть солома.

- Пожарная команда тут, как же! - подхватил Гостев. - Тут соломы тьма!

Кашнев всмотрелся в его лицо, подслеповатое, с белобрисой бородкой, и подумал отчетливо: "Рядовой, а все время говорит, когда не спрашивают..." И потом выкрикнул как мог начальственно и строго:

- Крамаренко, распорядись!

- Слушаю! - ответил Крамаренко и проворно взял под козырек.

Когда Кашнев шел к чуть заметному крыльцу дома, походка у него была уже строевая, и он не искал ногами золотых полос и пятен, а шагал прямо "направление на крыльцо". На крыльце долго не мог найти щеколды, а когда нашел и отворил дверь, наступил в темноте на какого-то щенка, который завизжал оглушительно и бросился мимо его ног на двор. Наудачу Кашнев отворил прощупанную впереди дверь, обитую клеенкой. Запахло щами и хлебом; городской, вскочивший с лавки, на которой он ел, поспешно вытерся рукавом и проводил его в канцелярию.

II

При первом же взгляде на пристава Кашнев как-то странно почувствовал не его, а себя - свое юношески гибкое тело, узкие руки, едва опушенное лицо: так остро чувствуют себя люди при встрече с чем-то бесконечно далеким от них и враждебно чужим. Кашнев считал себя выше среднего роста, но, чтобы посмотреть в глаза приставу, он сильно поднял голову.

Пристав был громаден. Когда он, представляясь, просто сказал свою фамилию: Дерябин, то как будто нажал на басы церковного органа, и рука его, в которую попала рука Кашнева, оказалась таким большим, теплым, мягким вместилищем, точно стал Кашнев ребенком и погрузил детские пальцы в песчаный речной берег, сильно нагретый июльским солнцем. Сквозь круглые очки глядели выпуклые, серые, близорукие глаза, большие на большом круглом безбородом лице, и голова была коротко остриженная и тоже округлая, как арбуз. Тужурка казалась тесной в плечах и в вороте и вся была как-то битком набита упругим мясом. Было приставу тридцать пять лет на вид или немного больше.

- Побеспокоили мы вас, - прошу простить: новобранцы! Ежели не пьет, не буйнит, не орет, фонарей не бьет, сукин сын, то какой же он новобранец, черт его дерит? Закон у них такой, штоп...

Вместо "простить" у него вышло "простеть", а вместо "буйнит" "буйнет": "и" ему было не по голосу.

Потом он повернулся от Кашнева неожиданно легко для своего огромного тела и крикнул в двери:

- Культияпый!

И тут же в какой-то дальней комнате что-то загромыhalo и покатилося по не заставленным ничем полам: слышно было, что дальше за канцелярией несколько комнат, и все пустые. Потом в двери пролез Культияпый - кривоногий седенький старичок, одетый в форму будочника, - и стал смиренно.

- На стол! - коротко приказал Дерябин.

И когда уходил Культяпый, тем же манером громыхая по комнатам, - сказал о нем пристав:

- Нянька моя, - меня выхаживал во время оно... Дурак, но предан. Держу, черт его дер!

Два писарька сидели в канцелярии, - им крикнул пристав:

- Марш домой!.. С нас вас на сегодня будет, собственно говоря.

И писарьки - один угрюмый, красноносый, явный пьяница и сутяга, другой угреватый подросток - вскочили, застучали, складывая толстые книги, и ушли.

И вот осталась большая, вся заставленная столами канцелярия, лампа с синим абажуром, за канцелярией внятная пустота нескольких комнат, за форточкой сырой темный вечер - и пристав. И несколько мгновений пристав смотрел на Кашнева молча, немного жуткий, потому что был освещен снизу лампой, отчего лицо его стало сырым, синим, вздутым, как у утопленника; молчал, только для вида перебирая на столе какие-то бумаги.

- Между прочим... - поспешно, точно боясь забыть, начал Кашнев, солдат, своих помощников, вы - в каземат... Неужели нет больше места?

- Солдат? Куда же мне солдат?.. Дворец для них? Баловство! - Пристав посмотрел на Кашнева как-то сразу всем телом и добавил: - Терпи голод, холод и все солдатские нужды... что? Даром, что ли, новобранцы фонари бьют, черт их дер! Баловство! Разврат!

- Я приказал им соломы в конюшне взять, - ответил Кашнев, смотря ему прямо в большое лупоглазое лицо, - но не так, как смотрел раньше, когда вошел, а просто, только бы смотреть, - и dokonчил: - постелить на пол, а то там наплевано.

- А я прикажу взять обратно! - крикнул Дерябин. - Баловство!.. Зачем им солома?.. Нежность!.. И на черта мне их пригнали, пятьдесят человек? Что мне с ними, в чехарду играть?.. Эй, дежурный, гоп-гоп! - крикнул он в двери.

И не успел еще Кашнев сообразить, как ему лучше обидеться на пристава, как уж кричал тот кому-то в другой комнате:

- Передай взводному, чтоб... пятнадцать человек при унтер-офицере оставил нам, а прочим - в ярк на пчельник, в казарму на топчанах спать, черт их дер! Да солому там, если солому взяли, так потом ее прямо в навоз; под лошадей в стойла не класть: раз солдат проспал, так уж на эту солому и лошадь не ляжет... Понял? Пшел!

В пустой комнате голос пристава бурлил и клубился, как дым кафельный, а Кашнев сзади смотрел на его дюжюю спину, могучую шею и светлый затылок и все как-то не знал, что ему сделать: нужно было что-то сказать колкое, но он сказал:

- Поэтому и я вам тоже не нужен?.. Прощайте.

- Кто? Вы? - Пристав поспешно обернулся и взял его за плечи. - А для кого же стол накрывают? Господи, твоя воля!.. Сказано было: взвод при офицере... ну? Взвод я по мирному составу считал, - по военному прислали. Ошибка исправлена. Лишних людей отослали, черт их дер, спать, а офицера... нет-с, не отдам! Культяпка! Сыми с их благородия шинель, живо!.. и спрячь!

И где-то в соседней комнате звякавший посудой Культяпый подкатился к

Кашневу на коротких ножках и, сопя, принялся стаскивать с него шинель. Он касался его своими седенькими мертвыми бачками и лоснящимся небольшим черепом; изо рта его сильно пахло съеденными старыми зубами, и руки тряслись.

- Вы семейный? - зачем-то некстати спросил пристава Кашнев.

- Omnia mea!* - ответил пристав и поднял указательный палец вровень с лицом.

* Omnia mea [mecum porto] (лат.) - все мое при мне.

Из этого Кашнев понял, что он одинок.

Столы в канцелярии были неопрятные, некрашенные, сосновые, старые, покрытые листами пропускной бумаги, замазанной чернилами; было накурено и сперто - не помогала и форточка; не подметенный, заслеженный грязный пол скрипел песком под ногами. Кто-то сдавленным пискливым скопческим голосом, картавя, неприлично выругался в той комнате, где гремел посудой Культяпый.

- Сильно сказано, - отозвался на это Кашнев. - Кто это?

- Попка. Ка-ка-ду, - шаловливо протянул пристав и улыбнулся длинно, причем толстомясое лицо с бычьим подгрудком помолодело вдруг. - Случается, дамы его ласкают: попка-попочка, попка-душечка! - а он как запустит, господи, твоя воля! Сколько раз за него извиняться приходилось: люблю, мол, эту птицу, но-о... воспитана плохо, никак отучить не могу, - прошу простить.

И тут же он, пышущий только что закуренной папиросой, вдруг крякнул весело, подхватил сзади Кашнева за локти, как это делают с детьми, высоко поднял, грузно пробежал с ним несколько шагов, распахнул им же настезь двери и поставил на пол в той комнате, где гремел посудой Культяпый и неприлично ругался попугай.

Горела большая высокая лампа, от которой свет дробился весело на горлышках бутылок, рюмках и жестянках с консервами, которыми был уставлен стол; блестели листья большого фикуса в углу, и в просторной куполообразной клетке, головою вниз, висел белый какаду и трещал поперек по спицам крепким клювом, раздувая сердито хохол. На стене над большим диваном развешаны были ружья, шашки, револьверы.

III

- Милый мо-ой! - раскатисто гремел пристав, сидя с Кашневым за столом и накладывая ему на тарелку шпроты. - Вы себе представить не можете, какие все в общем мерзавцы, подлецы, негодяи, - представить не можете!.. Вор на воре! Мошеник на мошенике! Подлец на подлеце! Факт, я вам говорю!.. Ведь отчего у нас столько преступлений? На каждом шагу убийства, разбои, какие-то цыганские шайки тоже... фигуруют!.. Что такое? Откуда, я вас спрошу? Простейшая история: об-щество у нас жулик на жулике, общество по-го-ловно все - подлейшего состава! Понятия о честности ни малейшего!.. У нас если не крадет кто, - просто случая подходящего ждет. Дайте ему смошеничить втихомолку, в укромном месте, отца родного продаст, только бы тот не узнал, - факт, я вам говорю! У нас арестантов ведут, а им бабы копейки суют: несчастненькие!.. Да он на своем веку дюжину таких баб, как ты, шкворнем ухлопал, дура чертова! Всепрошение? - это называется слюни пускать, а не всепрощение! Принципов нет! Круговая порука, нынче ты меня ограбил - ты в кандалах, завтра я кого

ограблю - я в кандалах... От тюрьмы, от сумы не отказывайся... Разврат! - факт, я вам говорю! На каждого нищего как на первейшего мошенника нужно смотреть, а они у нас рассадники жалости, а-а?.. Какая у нас жалость, милый мо-ой! У нас жестокость нужна! Драконовы законы нужны!.. На полицию ты с уважением смотри, а не так!.. Полиция не с ветру!.. Ты общество копни, т-ты! Нутро копни, а не какой-нибудь ноготь, болван! Зерно возьми, раскуси, а не... а не так... с чердака в лапоть... да-с!.. Ну-ка, холодно в Сибири, выпить надо! - и пристав, все время сверкавший очками, вдруг снял их, отчего лицо у него, как у всех близоруких, сразу потухло, стало наивным, сонным, расплывчатым, и взялся за рюмку.

- Пожалуй, одну я выпью, - сказал, улыбаясь, Кашнев.

- Одну? Как одну? Почему?.. Не пьете? Совсем не пьете? - удивился пристав.

- Нет, не приходилось как-то...

- Смотрите! Баран у нас вот так тоже не пил, не пил да издох. Ну-ка, мы! - и он потянулся чокаться.

Но когда приподнялся Кашнев ему навстречу, пристав увидел у него на груди маленький скромный значок, которого он почему-то не успел заметить раньше: синенький крестик в белом ромбе.

- Как? - онемело спросил Дерябин и прищурил глаза.

Руку с рюмкой он тоже отвел. Другой рукою нашарил очки, прикинул к глазам, пригляделся испуганно.

- Это... что значит?

- Что вы? - не понял Кашнев.

- Так вы мельхиоровый? Из запаса?.. По случаю войны взяты?.. С воли? с усилием спросил Дерябин.

- Да. Что из этого следует? - обиженно спросил Кашнев.

- Ничего, - нахмурился вдруг пристав и медленно, - лупоглазый, красногубый, с небольшими усами подковкой, - наклонил свою рюмку над пустою тарелкой и вылил водку. Потом он как-то тяжело ушел в мягкое кресло, на котором сидел, подперся рукою и закрыл глаза. Только слышно было, как густо дышал, раздувая широкие ноздри небольшого носа.

Попугай обругался вдруг в тишине. На стене напротив как-то серьезно молчали симметрично развешанные ружья, шашки, револьверы. Мертво блеснул лист фикуса. Кашневу было неловко, и думал он, не пойти ли просто домой. Подумал о своих солдатах: должно быть, спали теперь в каземате на свежей соломке.

Вот открыл снова глаза Дерябин, мутно пригляделся, спросил немного хрипло:

- Вас... как зовут?

- Дмитрий Иванович, - с привычной готовностью ответил Кашнев.

- Митя? - неистово удивился Дерябин. - У меня ж брат был Митя, от тифа умер... Какой малый чудесный был! Митя! Выпьем на "ты"! - вдруг поднялся Дерябин. - А? - И почти безволосые, еле внятные брови нахмурил, наклонил голову, вобрал подбородок и исподлобья глядел на Кашнева ожидая.

- Как будто на "ты" нам пить... - запнулся Кашнев, улыбнулся конфузливо и покраснел, и, покрасневши, сам на себя обиделся вдруг; подумал: "Не все ли

равно? - ведь никогда его больше не увижу..." И неожиданно для себя поднял рюмку и сказал:

- Что же, выпьем.

И потом сразу стало тесно, трудно, жарко: это могуче обнимал, тискал и целовал его в губы и щеки Дерябин. И, глядя на него влюбленными радостными глазами, тяжело, точно страдающий отдышкой, говорил Дерябин:

- Митя, а? Митя!.. Ведь ты себе представить не можешь, какие все в общем мерзавцы, скоты!.. У тебя в казарме, там что? Ти-ши-на! "Никак нет", "ряды вздвой", "равнение направо"... А я здесь как черт в вареной смоле киплю! Свежего человека нет, - все подлецы! Факт, я вам говорю!.. Насчет новобранцев, - это я сочинил, что мне солдаты нужны, черт их дери... Ты уж прошу простить, сочинил. Мне офицер был нужен. Со взводом, думаю, кого же пошлю? Субалтерна, молодого какого-нибудь, честного... Ты ведь честный, Митя, а? Даже спрашивать нечего, честный еще, по глазам вижу, - честный... Митя, а? Ну, выпьем! Нне так! Т-ты, гимназист! Крест-накрест. Руку давай сюда, вот! Гоп! - и Дерябин лихо поддал, как на каменку, свою рюмку, и поперхнулся водкою Кашнев.

Сказал пристав, усевшись:

- Это напрасно у меня такая фамилия - Дерябин; мне бы нужно Бессоновым быть: я вот третью ночь сегодня спать не буду. Вчера ночью с новобранцами возился, а третьего дня меня чуть было студент один не убил.

- Как?! - спросил Кашнев.

- Как! Как убивают? - Вооруженное сопротивление. Арестовать нужно было, я к нему в два часа ночи с нарядом, а у него дверь на замок, - и пальба пачками. Сражение. Городовому одному ухо прострелил: так кусок и выхватил, вот, с ноготь кусок... Как рвану я эту дверь, да в комнату! Раз он в меня, вот так пуля! Рраз, - вот это место мимо пуля... н-ну, руки ж дрожали, дрянь! Кинулся я - и его с ног сшиб и револьвер отнял, - честь честью!.. Вот револьвер - маузер.

И, говоря это, он подошел к стене и снял длинный, солидно сделанный новенький револьвер.

- Вот! Из него как из солдатской винтовки пали: никакого промаху и быть не может!.. Как он в меня не попал? Нет, ты скажи, черт его дери! Что я для него, муха?

И, держа маузер на прицел, он спросил:

- У тебя какой системы? Наган?

- У меня?... Да у меня никакого нет, - почему-то неловко стало Кашневу.

- Газета на шнуре?.. Хочешь, подарю!.. Вот - наган. Система - наган, работа - Тула, бери. Бьет здоровенно, не смотри, что Тула... А маузер нельзя, к делу пришью... бери.

- Ну вот... Точно я купить не могу, - ответил Кашнев его руку с наганом.

- Отказался? Что? - удивился Дерябин. Он стоял с револьверами в обеих руках и обиженно смотрел на Кашнева воспаленными от бессонных ночей глазами. - Почему отказался?

- Зачем же такие подарки делать? - мягко говорил Кашнев. - И ты... (неловко вышло у него это первое "ты") ты меня ведь в первый раз видишь...

- Так что? Не пойму!

- И, наконец, что это за револьвер такой, бог его знает!

- Та-ак! - горестно протянул пристав. - Так и запишем...

Но вдруг, закусив губы и дернув широкими ноздрями, он крикнул:

- Культяпый!.. Я тебе его сам в кобур положу! - погрозил он Кашневу наганом; и когда появился Культяпый, он закричал ему, вращая красными белками: - Найди там кобур их благородия и привяжи это к шнуру, - понял?

Культяпый бережно взял револьвер и выскользнул с ним проворно, как мышь.

- Митя! - крикнул Дерябин, восторженно глядя на Кашнева. - Митя! Братишка мой был Митя, - от тифа помер... дай, боже, царства небесного... Друг! - он положил тяжелые руки ему на плечи. - Ради дружбы, ради знакомства нашего - сними ты это! - и он гадливо показал глазами на значок и передернул губами справа налево.

- Ну вот! Зачем это? - улыбнулся Кашнев.

- Не могу я этого видеть, - сними! Вынести этого не могу!.. И точно не офицер даже, а какой-то переодетый немец, черт его дер!.. Спрячь, Митя!

У огромного Дерябина стали вдруг умоляющие, немного капризные, детские глаза.

- Ведь тебе это ровно ничего не стоит, а мне... а меня это... по рукам-ногам вьжет, бесит! - страдальчески выкрикнул Дерябин и отвернулся.

Кашнев представил, как позаванной ночью в двух шагах в Дерябина стрелял студент, и понял что-то; пожал плечами и медленно отстегнул значок, повертел его в руках и положил в боковой карман.

- Друг! Митя! - заорал Дерябин. - У тебя ж сердце!.. Господи, - это ведь с первого взгляда видно!.. С одного взгляда!.. Со взгляда!..

И опять Кашневу стало тесно, трудно и жарко, и еще было ощущение такое, как будто кого-то он предал; но тут же прошло это. Было немного пьяно, перед глазами мутно. Скрипел и трещал спицами какаду.

IV

- Я - дворянин, милый мой! И горжусь своим дворянством, и своим офицерским чином, и своей службой в полиции! - клубился голос пристава, как дым кадилный.

Дерябин пил много и много ел, и теперь лицо его как-то начало отвисать книзу; и двойной подбородок, и толстая нижняя губа, и верхние веки, и короткие косички волос, прилипшие к потному лбу, - все как-то спустилось вниз.

- Я ведь тоже в гимназии был, а в университет не пошел... почему? - не хотел; пошел по военной службе. Что? Плохо я сделал? Не то?.. А я себя ломать не хотел, милый мо-ой! Любил скачки, охоту, песни, танцы, черт их дер, - женщин! Люблю женщин! Не одну какую-нибудь, а всех вообще... вот! Против натуры не хотел идти... В пограничной страже служил против Галиции на австрийской границе... А-ах, служба ж была занятная!.. Контрабандисты! Шельмы народ! Двухавровые волки! Ухачи!.. Из-за одного меня со службы турнули... Кутили мы там на фольварке у одного панка, польский мед пили, а тут взводный, дурак, мне: "Контрабандиста задержали, ваш-бродь, - что прикажете из им делать?.." Нет, ты вот рассуди, - не дурак? Что "из им" можно делать? Ну, отложи его куда-нибудь до утра, а то ночь, и мед этот чертов, и я пьян... "Повесить!" - говорю. "Слушаю", - и ушел. Так минут через двадцать приходит, - а у нас пьянство своим чередом, - в притолку уперся: "Так точно, говорит, повесили..." Что? Кого повесили?.. Мы

уж и думать забыли!.. Как смели?.. Идем смотреть с фонарем. Висит действительно, факт! Какой-то, лет двадцати, глаза навывкат, зубы ощерены... Конец. Ты, черт! Преступление. Превышение власти. А уж утром тут из местечка родные этого прискакали... Что? Суда ждать?.. Я взял сам по начальству на себя донес. Сколько-то там дней, - от командующего войсками телеграмма: "Контрабандиста предать погребению, офицера увольнению, эпизод забвению". Я и подал в отставку.

- Этот анекдот я, кажется, слышал, - сказал Кашнев.

- Со мной случилось, а не анекдот! Факт, я вам говорю, - нахмурил безволосые брови пристав. - Но-о демократов, - этих я ненавижу!.. Своей службы в полиции не стыжусь, нет! А демократа, - я его знаю! Вполне-с!.. Он... корноухий (Дерябин хитро завернул пальцем правое ухо), у него что ни зуб, то щербина, оба глаза косят... хромой!.. ррвотой через день страдает... регулярно, черт его дер! Он когда из маузера в упор в стенку стреляет, и то норовит не попасть... факт! Нет, ты если с носовым платочком идешь, так платочек этот чтоб чистенький, беленький, чтоб кружевами обшит, ты! Ты его духами sprysни, чтоб пахло!.. Ты, если слабость, так без наряда ты, черт тебя дер, на улицу и носу не суй, если ты слабость, а то живо тебе хвост грязными сапожищами отомнут. Ты не вопи на перекрестке, - ты! Ты, черт тебя дер, человеком будь!

- Что ты? Что ты? Дикарь ты! Не то! - махнул рукою Кашнев и улынулся длинно. Он никогда не пил много водки и теперь размяк, одряхлел, и появилось в нем что-то женское.

- Не то? - крикнул Дерябин. - Плохо я говорю? Окончательно не то или не окончательно? А?.. Милый мо-ой! Ты себе представить не можешь, какая все в общем слякоть, дрянь! Ни тоски, ни радости, - так, дрянь одна!.. Ты вот... этого студента я... ты меня извини... примял немного... и не то чтобы я это... в пылу битвы, а так, - уж очень мерзко стало: из такого револьвера не попасть в двух шагах... Что я? Копейка? - черт его дер! Суется в волки, а хвост пороссячий!.. В меня один цыган-конокрад стрелял на скаку - кокарду сшиб! Волосок бы еще, - и мое вам почтение, - свистульку в череп!.. На скаку! Двух урядников калекami сделал, пока самого убили... факт! Прошлым летом было... Митя, ты не юрист? - перебил вдруг себя Дерябин.

- Юрист, - ответил Кашнев, все больше хмелея.

- Правда? Юриста, брат, сразу видно: у него вид легкомысленный!.. Это я шутя, прошу простить и к сердцу не принимать. А в хиромантию ты веришь?.. Мне, брат, одна немка мои линии читала (Дерябин вытянул над столом здоровенную ладонь)... где она тут какую-то линию жизни нашла?.. С перерывами, говорит, - но-о... длины страшной. Однако отправить, иде же несть болезнь, всегда могут, со всякой линией... А перерывы, - это вот именно - огнестрельные раны... факт... Митя, а ты женщинами увлекался? Не так, чтобы прохладно, для развлечения, а чтобы труба, угоп? Нет? По глазам вижу, что нет. Смотри, ладанка.

И, быстро расстегнув тужурку, снял с себя Дерябин золотой медальон, щелкнул и открыл портрет какой-то молодой женщины.

- Командира нашего корпусного, - отдельного корпуса пограничной стражи безграничной кражи... Нашего, - а это десять лет назад дело было... Бал был... Я ее с бала увез! Понял, что это значит?.. За это и со службы долой.

- Давеча ты сказал, кажется... - начал было Кашнев, но не докончил и улыб-